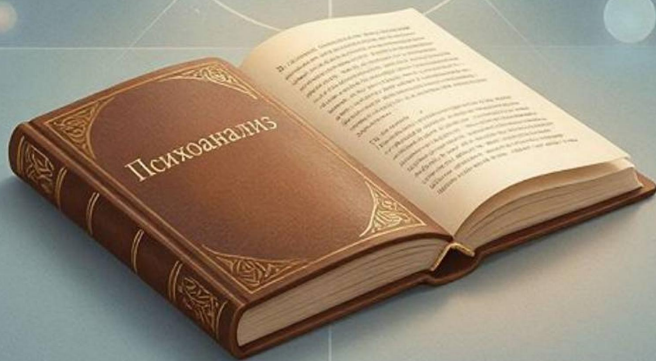

Узел и сердце: психоанализ и христианская антропология

Сергей Ваганов

Сергей Ваганов

Узел и сердце: психоанализ и христианская антропология

<https://litres.ru/74692258>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эта книга — о том, как связаны два вопроса "кто я?" и "чего я хочу?", почему они не решаются окончательно и что с ними делать. А точнее — о том, что стоит между «кто я» и «чего я хочу»: узел из тех колец, в котором сплетены образ, слово и нечто третье, не поддающееся ни образу, ни слову.

У нас в руках два языка, описывающие человека, и на первый взгляд они враждебны друг другу.

Первый — психоанализ в его самой разработанной форме: учение французского психоаналитика Жака Лакана. Он говорил о человеке сухо и точно, как геометр: человек — существо языка, его «я» собирается из отражений, его желание всегда опосредовано другими людьми, и в самом его устройстве есть дыра, которую ничем нельзя закрыть. Никакой речи о Боге Лакан в этом анализе не допускал: он описывал структуру — то, как устроен субъект, — а не смысл и не предназначение.

Второй язык — христианская традиция. Традиция эта стара, проверена тысячелетием практики и не обязана отчитываться перед психологическими теориями.

Сергей Ваганов

Узел и сердце: психоанализ и христианская антропология

Узел и сердце: психоанализ и христианская антропология

Опыт встречи Лакана и христианской традиции о том, как человек собирает себя из нехватки и избытка

Глава 1. Зеркало: как рождается «Я»

Стадия зеркала (6–18 месяцев); фрагментированное тело и цельный образ; идентификация как ложное опознание (*méconnaissance*); отчуждение как основа личности; роль взрослого, подтверждающего образ («да, это ты»); почему «Я» всегда воображаемо и нарциссично. Ключевые слова: Воображаемое, идентификация, идеал.

Глава 2. Слово: нехватка входит в мир

От нужды к требованию к желанию; зазор между тем, что просит тело, и тем, что может дать Другой; язык замещает вещь — и вводит нехватку (*manque-à-être*); «Имя Отца» как

функция закона, а не как родитель; кастрация в структурном смысле; объект-причина желания (*objet petit a*).

Глава 3. Мужское и женское: две логики желания

Гендер у Лакана — позиция в структуре, не биология, фаллическое означающее как универсальный знак; мужская логика универсализации; женская позиция как «не-всё» (*pas-tout*); формула «сексуальных отношений не существует» — что она значит на самом деле.

Глава 4. Любовь как зеркало: рождение и отчуждение образа

Отражение чувств через другого; двойная система зеркал; три ступени отрыва образа: проекция → кристаллизация → отчуждение; образ пары как «третий элемент»; *méconnaissance* в зрелой любви; «любить — значит давать то, чего не имеешь».

Глава 5. Избыток: что первичнее — полнота или дыра

Полемика двух схем: у Лакана нехватка рождает желание, у автора избыточность живого рождает нехватку; примирение: избыток первичен по бытию, нехватка первична по переживанию; *jouissance* — наслаждение за порогом удовольствия; формула: «живое избыточно → форма отсекает → отсечение рождает нехватку → нехватка структурирует желание».

Глава 6. Влечение: тело после отсечения

Различие желания и влечения (*désir* и *pulsion*); четыре частичных влечения и эрогенные зоны; «цель влечения — не объект, а путь»; кружение вокруг объекта-осколка; фантазм как рама, сшивающая желание и влечение; *jouissance* в знаке.

Глава 7. Сублимация: от осколка к иконе

Определение Лакана: вознесение объекта до достоинства Вещи; сублимируется объект, а не влечение; лестница: осколок → образ → слово → икона; идол как замкнутая сублимация; икона как форма, признающая свой зазор; Слово, ставшее плотью — кенозис как сублимация наизнанку.

Глава 8. Срыв: когда форма не состоялась

Психоз как структура, а не поломка; фортклюзия Имени Отца; «отсечённое возвращается в Реальном»; случай Шребера: бред как «попытка излечения» и как бедная сублимация без общего порядка; «быть любимой Богом как женщина»; ложное преображение — требование полноты без среза; третье искушение Христа.

*Глава 9. Этика узла: не уступай в желании и христианская свобода

Седьмой семинар: Вещь (*das Ding*); Антигона и верность невозможному; «Кант с Садом» и Сверх-Я, командующее

«наслаждайся!»; христианская свобода как исцеление желания, а не разрешение; «не Моя воля, но Твоя»; три правила узла: не дорешивать другого, не сдавать и не форсировать желание, давать Реальному адрес; война мужского и женского как неснимаемое напряжение.

Глава 10. Боль: узел под нагрузкой

Чем травма отличается от структурной нехватки; automaton и tuché; боль как jouissance без выхода; три искушения при боли: объяснение, замещение образом, замалчивание; Иов и осуждение утешителей; скорбь и меланхолия; крест как tuché с постоянной пропиской; раны воскресшего тела; «восполняю недостаток»; Пьета; милосердие против жалости.

Заключение. Благодать как четвёртое кольцо

Синтома у позднего Лакана; что значит вплести четвёртый виток; итоговая формула книги; полнота не восстанавливается, а удерживается.

Приложение. Словарь терминов — краткий глоссарий (Воображаемое, Символическое, Реальное, objet petit a, jouissance, tuché, форклюзия, pas-tout и др.) для читателя начального уровня.

Введение

Есть два вопроса, которые человек задаёт себе всю жизнь и на которые не может ответить в одиночку. Первый: «кто я?» — и всякий раз, когда мы пытаемся на него ответить, выясняется, что мы смотрим на себя чужими глазами. Второй: «чего я хочу?» — и всякий раз, когда мы пытаемся на него ответить, выясняется, что хотим мы чего-то большего, чем любой конкретный предмет нашего желания.

Эта книга — о том, как эти два вопроса связаны, почему они не решаются окончательно и что с ними делать. А точнее — о том, что стоит между «кто я» и «чего я хочу»: узел, в котором сплетены образ, слово и нечто третье, не поддающееся ни образу, ни слову.

Два языка об одном

У нас в руках два языка, описывающие человека, и на первый взгляд они враждебны друг другу.

Первый — психоанализ, прежде всего в его самой разработанной форме: учение французского психоаналитика Жака Лакана (1901–1981). Лакан говорил о человеке сухо и точно, как геометр: человек — существо языка, его «я» собира-

ется из отражений, его желание всегда опосредовано другими людьми, и в самом его устройстве есть дыра, которую ничем нельзя закрыть. Никакой речи о Боге Лакан в этом анализе не допускал: он описывал структуру — то, как устроен субъект, — а не смысл и не предназначение.

Второй язык — христианская традиция. Она говорит о человеке иначе: человек — образ Божий, его глубина — не дыра, а сердце, его желание призвано к любви, и полнота его — не достижение, а дар. Традиция эта стара, проверена тысячелетием практики и не обязана отчитываться перед психологическими теориями.

Возникает соблазн выбрать один язык и объявить другой ошибкой. Но есть и другой путь, который выбирает эта книга: положить оба языка рядом и посмотреть, как они описывают одно и то же. Не для того, чтобы «объяснить христианство через психоанализ» — это было бы грубым сведением: любовь и крест не выводятся из детской психики. И не для того, чтобы «опровергнуть Лакана верой» — он описывает структуру, а не спасение. Цель скромнее и интереснее: показать, что там, где психоанализ фиксирует структурную нехватку человека, христианская традиция не противоречит ему, а даёт этой нехватке место, имя и адрес.

Три регистра: карта, которой мы будем пользоваться

Чтобы читать дальше, понадобится одна простая карта — центральная схема Лакана. Он различал в человеческой психике три порядка, или регистра. Всё, что с нами происходит, проходит через них, как свет через три призмы.

Воображаемое — это мир образов. То, как мы видим себя, других, мир; наши идеалы, проекции, влюблённости, ревности, обиды. Воображаемое работает по логике зеркала: я вижу в другом себя, а в себе — отражение чужого взгляда. Это самый наглядный и самый обманчивый слой: образы целостны и убедительны, но они всегда — отражения, а не вещи сами по себе.

Символическое — это мир языка и правил. Слова, имена, обещания, запреты, роли, законы — всё то, что старше нас и что мы получаем готовым. Через Символическое мы вообще становимся людьми: младенец, у которого нет языка, не имеет и «я» в человеческом смысле. Символическое работает по логике структуры: каждое слово получает смысл от других слов, каждая роль — от сети других ролей.

Реальное — самый трудный для описания регистр, потому что он по определению не поддаётся описанию. Реальное — это то, что не вписывается ни в образы, ни в слова: нехватка, избыток, травма, встреча с тем, чего нельзя было предвидеть

и о чём нельзя сказать. Смерть близкого — Реальное. Момент, когда тело отказывается жить по плану, — Реальное. Тяга к тому, что разрушает нас, — тоже Реальное. Реальное не «реальность»: реальность — это то, что уже освоено языком и образом; Реальное — как раз то, что не освоено никогда.

Взрослый человек — это сплетение всех трёх регистров. И сплетение это не случайное: Лакан описывал его через древний математический образ — борромеев узел. Это три кольца, соединённые так, что ни одно не может быть вынuto: убери любое — и распадутся все три. Воображаемое без Символического — животная жизнь образов, без речи и закона. Символическое без Реального — пустая игра слов, ничего не стоящая. Реальное без двух других — стихия, в которой человек не может жить. Узел держится, пока все три кольца натянуты друг о друга.

И вот вторая карта — из христианской традиции, которая, как мы увидим, выстроена удивительно созвучно. В ней тоже есть тройственная структура: Логос — Слово, порядок, разум (то, что Лакан называл бы Символическим); Дух и образ — всё, что связано с видением, лирикой, личным обращением (близко к Воображаемому); и сердце — глубина, где человек встречает то, что превосходит его, — любовь, страдание, благодать (близко к Реальному). В центре христиан-

ской картины стоит Христос — как раз то место, где эти три измерения сплетены в одном узле, не поглощая друг друга.

Схожесть не означает тождество, и это важно проговорить сразу. Лакан — не тайный богослов, а христианство — не психоаналитическая техника. Мы будем использовать первую карту как инструмент, а вторую — как горизонт, и честно следить за границей: всё, что говорит Лакан, мы будем цитировать как его; всё, что говорит предание, — как предание; всё, что является нашей собственной конструкцией, — будем так и называть.

О чём эта книга

Книга построена как путь, и идти по нему лучше по порядку, потому что каждая глава опирается на предыдущую.

Сначала мы разберём, как вообще собирается человеческое «я». Первая глава — о стадии зеркала: о том полугодовом возрасте, когда младенец впервые узнаёт себя в отражении — и тем самым впервые отчуждается от себя, приняв образ за себя. Вторая — о том, как язык, входя в жизнь ребёнка, приносит не только слова, но и первую нехватку: слово всегда замещает вещь, и в этом замещении что-то навсегда теряется.

Затем — любовь. Третья глава покажет, что «мужское» и «женское» — это не два типа людей, а две разные логики желания, и потому между ними невозможна полная гармония. Четвёртая разберёт саму любовь как зеркальную конструкцию: почему влюблённый видит в другом своё желание, как образ другого отчуждается и начинает жить самостоятельной жизнью — и почему эта конструкция обречена к разрушению.

Пятая и шестая главы — самое глубокое место книги: разговор о том, что первично, нехватка или избыток. Здесь будет предложен взгляд, который соединяет обе позиции: живое по природе избыточно, и именно избыток, отсечённый формой языка, оставляет ту дыру, из которой работает желание. Здесь же появится влечение — телесный слой, в котором избыточное наслаждение продолжает жить своей петлёй.

Дальше — как избыток всё-таки находит выход. Седьмая глава о сублимации: о том, как неутолимое желание переводится в творчество, красоту, молитву — и почему одни формы этого перевода честны (икона), а другие лживы (идол). Восьмая — о срыве: о психозе, в котором форма не состоялась, и о том, что значит «ложное преображение» — попытка получить полноту, миновав крест.

Девятая глава — этика. Знаменитая лакановская формула «не уступай в своём желании» будет поставлена рядом с христианской свободой, и мы увидим, что обе защищают одно и то же: глубинный вектор человека нельзя ни продать за одобрение, ни силой форсировать. Здесь же «война мужского и женского» получит своё окончательное значение: не борьба на уничтожение, а неснимаемое напряжение, которое держат, а не разрешают.

И последняя глава — боль. Всё предыдущее было теорией в тёплых условиях; последняя глава — проверка конструкции на разрыв: что происходит с узлом, когда теряют близкого, когда болеют, когда предают. Здесь христианская традиция окажется сильнее всего — потому что она единственная, кто дал самой невыносимой встрече постоянное место в своём центре: крест, пустой гроб и раны, которые остаются.

Для кого и как читать

Эта книга написана для читателя без специальной подготовки. Все термины вводятся по мере появления и каждый раз поясняются обычными словами; полный словарь — в приложении. Психоаналитические понятия — «стадия зеркала», «означающее», «объект-причина желания» — звучат непривычно, но за каждым стоит простая вещь, которую читатель узнает как собственный опыт: почему мы так нужда-

емся во взгляде другого, почему слова не передают всего, почему любовь то окрыляет, то разрушает.

Один принцип стоит объявить заранее, потому что он определяет честность всей книги: мы будем описывать структуру, а не ставить диагнозы. Психоаналитические категории — невроз, психоз, перверсия — в этой книге не являются ярлыками для людей; это типы устройства, как геометрические формы, и встречаются они в каждом из нас в разных пропорциях. Всё, что здесь будет сказано о человеческой боли и её причинах, — это описание, а не приговор и не совет; там, где речь идёт о настоящем страдании, правильным ответом остаётся помощь специалиста и близких.

И последнее — о том духе, в котором написана книга. Она исходит из убеждения, что человек не собирается в целое окончательно: ни трудом воли, ни успехом, ни любовью другого человека, ни даже праведностью. Это убеждение Лакан выразил строго и холодно: нехватка конститутивна, желания не утолить, полного совпадения двух людей не существует. Христианская традиция выразила то же самое — но тепло и с надеждой: человек живён не полнотой, а любовью, которая не закрывает его дыру, а даёт ей место рядом с собой. В этой книге обе фразы будут значить одно: быть человеком — значит держать узел: образ, слово и глубину — натянутыми друг о друга, не позволяя ни одному из них претендовать на

целостность.

Постигнуть это полностью нельзя — и это не дефект книги, а её тема. Но пройти можно. Начнём с зеркала — с того самого полугодового младенца, который смотрит на своё отражение и впервые говорит (пусть не словами): «это я».

Глава 1. Зеркало: как рождается “Я”

Сцена перед зеркалом

Представьте себе ребёнка в возрасте примерно года. Он сидит на руках у матери перед зеркалом. Секунду назад он безучастно смотрел по сторонам — и вдруг что-то происходит: он замечает отражение. Он замирает. Потом начинает двигаться — и отражение двигается вместе с ним. Он поднимает руку — и в зеркале поднимается рука. Он улыбается — и отражение улыбается. А потом происходит то, что родители помнят потом всю жизнь: ребёнок оборачивается к матери, будто проверяя, видит ли она то же, что и он, — и снова смотрит в зеркало. Он узнал. Он впервые понял: это — я.

Жак Лакан, о котором шла речь во введении, увидел в этой сцене не милый эпизод семейного альбома, а один из важнейших моментов человеческой жизни. Он назвал его стадией зеркала и посвятил ему первый доклад, с которым вошёл в науку, — доклад, прочитанный в 1936 году и позже переработанный. К стадии зеркала он возвращался снова и

снова на протяжении сорока лет — не потому, что забывал о ней, а потому, что постепенно понимал: в этой сцене спрятан ключ ко всей человеческой психике.

Что же спрятано в этой, казалось бы, простой сцене? Чтобы увидеть это, нужно сначала посмотреть на ребёнка с другой стороны — на то, что происходило с ним до зеркала.

Ребёнок, которого ещё нет

Человеческий младенец рождается удивительно беспомощным. Жеребёнок через несколько часов после рождения встаёт на ноги; цыплёнок через несколько дней клюёт зерно; детёныш обезьяны вцепляется в мать и уже через недели передвигается сам. Человеческому ребёнку для этого нужны годы. Он не умеет держать голову, не умеет координировать движения, не умеет добывать пищу. Его тело — как машина, детали которой не собраны: ручки и ножки дёргаются по отдельности, движения разрозненны, собственных сил не хватает ни на что.

Зоологи называют эту особенность вида — сильную незрелость новорождённого. Лакан придавал ей принципиальное значение: человек рождается недоношенным по сравнению со всеми другими живыми существами. И это не просто неудобства природы, которую человечество с тех пор «обошло» развитием. Это фундаментальное устройство человеческого существа: человек — существо, которое по самой своей природе не завершено при рождении. Он может стать человеком только при условии, что его достроит нечто

внешнее — другой человек.

Пока ребёнок мал, у него нет «я». Есть тело, которое испытывает: голод, холод, тепло, прикосновение. Есть ощущения, которые приходят и уходят. Но нет того, кто сидел бы внутри и говорил про себя «я». Младенец не отличает ещё себя от мира: сосание пальца для него не принципиально отличается от сосания соски; собственный крик — от голоса, звучащего извне. Границы «я» ещё не проведены. Ребёнок живёт как поток переживаний, не собранный в целое.

Такому существу нечем даже позвать на помощь — у него нет слова «помогите». Есть только крик. Но крик этот не пропадает в пустоте: на него кто-то отвечает. Мать поднимает его, кормит, укачивает, говорит с ним. И вот здесь начинается самое важное — то, о чём пойдёт речь в следующей главе подробнее: потребности ребёнка обрабатываются другим человеком. Мать не просто закрывает голод — она интерпретирует крик, угадывает, что нужно, и одновременно любит, что-то шепчет, улыбается. Ребёнок получает не только пищу, но и ответ. И с самого начала ответ — это нечто большее, чем утоление нужды.

Теперь мы готовы вернуться к зеркалу. Ребёнок, которого «ещё нет» — у которого нет целостного «я», — вдруг видит в зеркале целостный образ.

Соблазн целостности

Задумаемся над тем, что именно видит ребёнок в зеркале. Он видит не самого себя — он видит изображение, и изоб-

ражение это обладает свойством, которого у него самого нет: оно цельно. В зеркале ребёнок видит завершённую фигуру: голова соединена с туловищем, руки с плечами, всё держится вместе, всё согласовано. Но сам он пока — не целое. Его реальный опыт тела — это опыт разрозненный, фрагментарный, неуправляемый: ручки, которые не слушаются, тело, которое живёт отдельными вспышками ощущений.

И вот между тем, что ребёнок видит в зеркале, и тем, что он есть на самом деле, открывается разрыв. Образ в зеркале — цельный; опыт внутри — фрагментированный. И ребёнок делает то, что сделает потом каждый из нас бесчисленное количество раз в жизни: он выбирает образ. Он присваивает себе отражение: «это — я».

Стоит на мгновение остановиться и всмотреться, насколько странным является это событие, которое мы все прошли и ни один из нас не помнит. Ребёнок берёт за себя то, что не является им, — наружный образ, зрелище, картинку. Он идентифицируется не со своим внутренним опытом (тем самым разрозненным, уязвимым, неуправляемым), а с внешним, красивым, собранным зрелищем. Лакан называл эту операцию **ложным опознанием** — по-французски *méconnaissance*: не «неузнавание», а именно узнавание с ошибкой. Ребёнок не ошибся в деталях — он ошибся в самом главном: он принял за себя то, что им не является.

Почему он так делает? Потому что альтернативы хуже. Остаться фрагментированным — невыносимо: разрознен-

ный опыт переживается как угроза распада, как постоянно дрожащая почва. Цельный образ в зеркале даёт спасительное единство. Ребёнок хватается за него, как утопающий за доску, — и это спасает его, но одновременно навсегда меняет его устройство: отныне его «я» живёт снаружи, в образе, а не внутри, в опыте.

Здесь нужно сказать об одном важном слове, которое будет сопровождать нас всю книгу. Идентификацию с цельным образом Лакан описывал и через понятие **нарциссизма** — но не в бытовом смысле (любование собой), а в строгом: нарциссизм — это любовь к своему образу, которая лежит в основе любого «я». Каждый из нас любит прежде всего свою собственную целостность — ту самую, которая когда-то впервые заблестела в зеркале. Отсюда и название регистра психики, к которому относится вся эта работа образов: Воображаемое. Воображаемое — это не «выдумки» и не фантазии в бытовом смысле. Это весь слой нашей жизни, который построен из образов: то, как мы видим себя, других, мир; наши идеалы, влюблённости, ревности, обиды, соревнования, самолюбование. Всё это — работа зеркальной структуры, заложенной на стадии зеркала.

“Да, это ты”

В описанной сцене есть деталь, которую легко не заметить, а без неё картина неполна. Ребёнок редко узнаёт себя в зеркале один. Обычно он смотрит на отражение — и тут же оборачивается к взрослому. Его взгляд мечется: зеркало —

мать — зеркало. И взрослый подтверждает: «Да, это ты! Это ты в зеркале! Смотри, какой большой!» — и аплодирует.

Эта маленькая сцена на коленях у матери — не украшение, а несущая опора всей конструкции. Ребёнок не мог бы присвоить образ сам по себе: чтобы поверить в «это я», ему нужно, чтобы другой это подтвердил. Узнавание себя всегда происходит через слова и отклик другого. Иначе говоря, самое интимное, самое «своё» — моё «я» — рождается извне, через обращение ко мне.

Это означает и нечто большее. Стадия зеркала — не только про образы, но уже и про язык. Зеркальная сцена, по мысли Лакана, — это первое место, где Воображаемое встречается с Символическим — с порядком речи и правил. Образ становится моим не как картинка, а как признанное слово: «это ты» — сказанное обо мне другим — превращает отражение в идентичность. Отныне моё «я» всегда будет дважды опосредовано: во-первых, оно — образ (не опыт), во-вторых, оно — образ, подтверждённый другими. Я — это то, что я вижу себя и то, что видят во мне.

Читатель уже, вероятно, предчувствует следствие, к которому мы придём во всей книге: если «я» рождено из чужого отклика, то оно никогда не будет полностью моим. Оно будет зависеть от того, кто и как меня видит. Эта зависимость — не недостаток воспитания и не слабость характера; она структурна. Человеческое «я» устроено так, что нуждается в зеркале постоянно: в детстве — в зеркале родителей, в зрелости — в зеркале других людей.

сти — в зеркале любимых, друзей, начальства, толпы, «лайков», репутации. Взрослый, который в глубине души жаждет подтверждения, — это тот самый младенец перед зеркалом; только зеркал стало много, и все они говорят разное.

Отчуждение: цена целостности

Теперь назовём цену сделки, которую ребёнок заключил с отражением. Он получил целостность, но получил её в отчуждении. Слово «отчуждение» здесь не пафосно: оно означает буквальную вещь. Моя целостность — это не я; это образ, который отделён от меня, лежит снаружи, в зеркале, в глазах других. Чтобы быть собой, мне нужно то, что не есть я.

Из этого следуют две особенности человеческой жизни, которые мы пронесём через всю книгу.

Первая: “я” всегда чуждо мне в самой основе. Я говорю о себе «я» — но это слово указывает на образ, который я в себе принял, а не на мой живой, неуловимый опыт. Отсюда знакомое каждому расщепление: я могу чувствовать одно, а казаться другим; я могу не узнавать себя в своих поступках, в своих фотографиях, в отражениях чужих глаз. Это не патология — это родовой рубец стадии зеркала. Мы все родились с «я», которое взято напрокат у изображения.

Вторая: внутренний опыт остаётся “недостроенным” навсегда. Та фрагментарность, которая была вытеснена цельным образом, не исчезла. Она — как призрак, живущий под гладкой поверхностью. В моменты тревоги, кризиса, глубо-

кого утомления человек вдруг ощущает себя рассыпающимся, разрозненным, «не в себе». Это не регресс к младенчеству — это поверхность образа на миг перестала держать, и проступила та самая изначальная структура: опыт, не собранный в целое.

Но не будем морализировать и печалиться: Лакан описывает устройство, а не судит его. Более того, отчуждение — не проклятие, а условие. Только приняв чужой образ, ребёнок становится человеком: обретает место в мире других людей, становится узнаваемым, становится тем, о ком можно сказать «он». Воображаемое — не ошибка природы, а его решение. Без этого решения не было бы ни речи, ни культуры, ни любви — не было бы и книги, которую вы читаете. Но у каждого решения есть цена, и цена эта — жизнь «я», которое всегда чуть больше, чем я есть, и всегда чуть меньше, чем я есть, — потому что оно не я.

Второй смысл: зеркало, которое не забывается

До сих пор мы говорили о стадии зеркала как о событии детства. Теперь — ход мысли, который сделал Лакана Лаканом. На протяжении десятилетий он переосмысливал эту концепцию, и вторая её версия звучит так: стадия зеркала — не этап, который мы прошли и оставили позади, а структура, которая остаётся с нами навсегда.

Что это значит практически? Взгляд на себя, который мы обрели в младенчестве, воспроизводится всю жизнь в новых формах. Человек постоянно ищет в мире отражения себя: в

чужих взглядах, в оценках, в социальных ролях («я — специалист», «я — глава семьи», «я — любимчик судьбы»), в том, как его видит любимый человек, как его видят враги, как его видит толпа. Каждое из этих отражений — новое зеркало, и каждое обещает то, чего жаждет изнутри: целостность, собранность, ясность «кто я».

И — что важнее всего — эта целостности недостижима в принципе. Образ, каким бы полным и убедительным он ни был, остаётся образом: он собран снаружи, он чужд живому опыту, он не может закрыть ту изначальную разрозненность, из которой выросло «я». Но человек не перестаёт искать. Он ищет в карьере то, что не найдёт, — в любви то, что не найдёт, — в репутации то, что не найдёт. Не потому, что глуп, а потому, что так устроен: его «я» ищет своего зеркала, а зеркало всегда в другом месте и всегда не то.

Это не повод для уныния, а точное знание. В следующих главах мы будем выстраивать на этом фундаменте целое здание: как на этой структуре работает любовь (глава 4), как желание требует формы (главы 5–6), как избыток находит выход в красоте и слове (глава 7), как этика удерживает человека от подделки (глава 9). Но фундамент всюду один: человек — существо, которое собирает себя из отражений, и потому никогда не может быть собран окончательно.

Христианская нота: иное зеркало

У книги, как мы условились во введении, есть вторая нить — христианская традиция — и уже здесь, в первой главе,

стоит провести её, хотя бы коротко, чтобы читатель видел, в каком ракурсе мы будем двигаться дальше.

Христианская антропология согласна с Лаканом в главном: человек не может собрать себя сам. Она выражает это другими словами — о том, что человек создан не самодостаточным, а открытым, устремлённым к тому, что больше его; о том, что человеческое «я» живёт не из себя, а из отношения. Но в ней есть и то, чего в лакановской картине нет: она утверждает, что есть зеркало истинное. Если образ, собранный в младенчестве, — подделка (целостность, взятая взаймы), то в христианской перспективе существует и подлинный прообраз человека — тот, в отражении которого человек не рассыпается, а, напротив, впервые становится настоящим. Апостол Павел пишет о том, что сейчас мы видим как бы в зеркале, гадательно, но тогда — лицом к лицу: различие между искажённым и подлинным зеркалом — центральная метафора всей традиции.

И потому христианство понимает отчуждение, о котором шла речь в этой главе, не как окончательный приговор, а как черту, которая нуждается в исцелении. Человек — существо, живущее отражениями; вопрос не в том, чтобы жить без зеркала (это невозможно), а в том, в какое зеркало смотреть. Эта тема будет разворачиваться в главах о сублимации и иконе — и вернётся в самом конце книги, где мы будем говорить о полноте, которая не закрывает, а удерживает.

Что мы узнали в этой главе

Подведём итог — коротко, как мостики к следующей главе.

Человек рождается недоношенным, беспомощным, фрагментированным — и потому не может собрать себя сам. В полугодовом возрасте он впервые видит себя в зеркале — видит не опыт, а образ, — и присваивает этот образ как «я». Это ложное опознание: «я» всегда собрано из того, что не есть я. Присвоение происходит через подтверждение другого: «да, это ты». Поэтому моё «я» рождено извне и живёт извне всю жизнь. Полученная целостность выкуплена отчуждением: я нужен другому, чтобы быть собой. И потому поиск отражения не заканчивается никогда — человек всю жизнь ищет образы, в которых его «я» могло бы быть цельным, и всякий раз находит только очередное отражение.

Из всего этого следует и самое важное для дальнейшего: под поверхностью цельного образа остаётся живой фрагментарный опыт — и между ними всегда будет зазор. Пока этот зазор не назван, он работает незаметно: человек тянется к образам, не находит в них опоры, ищет дальше. В следующей главе мы увидим, что происходит, когда к ребёнку приходит речь, — и как в этот самый момент, наряду с новыми словами, входит в мир нечто иное: нехватка. Слово, как мы увидим, всегда берёт что-то взаймы у вещи — и не возвращает. Этот заем — то самое место, из которого вырастет желание, любовь и вся дальнейшая история, которую мы будем разбирать в этой книге.

Глава 2. Слово: нехватка входит в мир

Три слова об одном крике

Вернёмся ненадолго к младенцу из первой главы. Он кричит. Для стороннего наблюдателя это просто звук — громкий, требовательный, малопрятный. Но присмотримся внимательнее: в этом крике совершается событие огромной важности. Крик — это не просто сигнал «мне холодно» или «я голоден». Крик — это обращение: он адресован кому-то. Ребёнок кричит не в пустоту, а в надежде на ответ, и вся человеческая речь, от первого лепета до философского трактата, вырастает из этого первичного жеста — я говорю потому, что я нуждаюсь в другом.

Жак Лакан выстроил на этом наблюдении целую лестницу — три ступени, по которым человеческое желание поднимается из тела в слово. Ступени эти важно различать, потому что вся дальнейшая жизнь человека разыгрывается между ними.

Первая ступень — нужда. Это органическая потребность: голод, жажда, холод, потребность в сне. Она проста и честна: тело просит, мир даёт — и на этом конец. Голод утолён, и о нём можно забыть. Животное живёт целиком на этой сту-

пени: у него нет никакой другой нужды, кроме телесной, и любая нужда закрывается объектом — пищей, теплом, убежищем.

Вторая ступень — требование. Нужда, проведённая через обращение к другому. Как только ребёнок вынужден просить — то есть переводить своё состояние в крик, а потом в слово, — его потребность уже не просто потребность. Он просит не только молока: он просит присутствия, внимания, любви. Мать, дающая грудь, даёт одновременно две вещи — молоко и себя. И эти две вещи не делимы в младенчестве, но они разного рода: молоко закрывает голод, а присутствие... присутствие закрывает не всё.

И вот здесь лежит третья ступень, самая важная и самая загадочная — желание. Желание рождается в зазоре между тем, что просит тело, и тем, что может дать Другой. Смотри: голод закрыт — ребёнок накормлен. Но часть его крика была адресована не молоку, а матери как таковой — и эту часть ничто не закрывает. Мать не может дать то, о чём ребёнок просил не словами (он ведь ещё не владеет словами), а всем своим существом: полноты, абсолютного совпадения, гарантии, что она всегда будет рядом. Даже самая любящая, самая самоотверженная мать не может этого дать — не потому, что недостаточно любит, а потому, что она человек: она отходит, она устаёт, она смотрит на другие вещи, она умрёт когда-ни-

будь. Между требованием ребёнка и возможностями любого человека на свете остаётся несократимый остаток.

Этот остаток и есть желание. Не потребность в пище и не просьба о помощи, а нечто третье: неутолимое стремление, которое не закрывается никаким объектом. Отсюда странная на первый взгляд формула Лакана: желание — это то, что остаётся от нужды после того, как нужда утолена. Именно поэтому человек, живущий в полном достатке, всё равно чего-то хочет; именно поэтому сытость не приносит покоя. Желание — это эхо того первого обращения, которое никогда не было отвечено целиком.

Слово берёт займы у вещи

Теперь второй ход — и он, пожалуй, самый глубокий во всей лакановской мысли. Речь до сих пор шла о другом человеке: нехватка рождалась в зазоре между ребёнком и матерью. Но у Лакана источник нехватки ещё раньше и ещё глубже: она входит в мир вместе с самим языком.

Рассмотрим простую вещь: что происходит, когда ребёнок получает слово? Он узнаёт, что собака — это «ав-ав», а потом «собака». Кажется, что ничего не потерялось — наоборот, он приобрёл: теперь он может звать собаку, вспоминать о ней, просить показать её. Но присмотримся: вместе со

словом произошло и нечто незаметное и невозвратное. Слово заменило вещь. Теперь ребёнок живёт в мире, где собака может присутствовать в её отсутствии — как имя, как картинка в книжке, как просьба «где ав-ав?». Собака стала носимой в кармане — в виде знака.

Это величайшее достижение языка — и одновременно величайшая утрата. Пока вещи заменяются словами, человек теряет непосредственный доступ к самим вещам. Вся его жизнь отныне идёт через посредника: не собака, а слово «собака»; не любовь, а слова о любви; не я, а слово «я». Слово стоит между человеком и миром, как стекло между глазами и солнцем — через него всё видно, но его самого не видно и не убрать.

Лакан выражает это одной короткой и жёсткой формулой: именно означающее вводит нехватку в мир. Означающее — это слово, знак, символ; всё, что замещает вещь. Пока не было языка, не было и нехватки — была только нужда, и нужда закрывалась. Язык принёс нехватку, потому что каждое слово, появляясь, одновременно открывает дыру на месте того, что оно замещает. Слово «мама» присутствует тогда, когда мамы нет рядом, — и тем самым делает отсутствие видимым, удерживаемым, осмысленным. Но цена этого: отныне отсутствие живёт в человеке постоянно, как гостиная в доме. Слово научило человека держать в голове то, чего нет, — и с тех

пор он не может перестать желать того, чего нет.

У этого приобретения есть имя в лакановском словаре — и оно звучит жёстко, но его смысл стоит ухватить точно. Лакан называет итог вхождения в язык “нехваткой бытия”: человек — единственное существо, которое не совпадает со своим бытием, у которого в самом центре стоит дыра. Не потому, что он болен или неудачлив, а потому, что он говорящий: существо языка всегда существует с проёмом внутри. Животное совпадает со своей жизнью — оно и есть её жизнь. Человек — нет: он всегда чем-то недоделан, всегда смотрит на себя со стороны, всегда хочет быть чем-то большим или иным, чем он есть. Это не недостаток отдельных людей — это устройство вида. Наше бытие просвечивает дырой, потому что часть его отнял язык.

Здесь же можно назвать и то слово, которое Лакан — вслед за Фрейдом — использовал для этой утраты: “кастрация”. Слово это отпугивает, и его часто понимают грубо-биологически, но в лакановском смысле оно не имеет ничего общего с телесным увечьем. Кастрация в структурном смысле — это плата за язык: то, что отнимается у человека в момент вхождения в символический порядок. Отнимается непосредственность, целостность, прямое наслаждение жизнью — и взамен даётся речь, мысль, культура, возможность быть кем-то для других. Это не сделка, которую заключают;

это условие, под которым человек вообще возможен. Точно так же, как ребёнок на стадии зеркала принял образ ценой отчуждения (глава первая), говорящий субъект принимает слово ценой целостности. Мы уже дважды сталкиваемся с одной и той же фигурой: стать человеком — значит дать себя изъять из себя.

Имя Отца: закон, а не родитель

На лестнице от нужды к желанию есть ещё одна ступень, без которой картина неполна. Когда ребёнок входит в язык, он входит не в пустое пространство слов: язык устроен, у него есть порядок, правила, запреты. И этот порядок приходит к ребёнку не абстрактно — он приходит через конкретную фигуру, через голос, который говорит «нельзя».

В психоаналитической традиции это место занимает отец. Но Лакан совершил здесь ход, определивший всё дальнейшее: он отделил “функцию” от “персоны”. То, что структурирует психику ребёнка, — не биологический отец как человек (он может быть отсутствующим, слабым, нелепым — и всё-таки функция его имени может работать), а Имя Отца — символическая позиция закона, третьего по отношению к паре «ребёнок — мать». Имя Отца — это не тот, кто наказывает; это порядок, который говорит: мир устроен не вокруг тебя и не вокруг твоих желаний; между тобой и всем

желаемым стоит правило; у твоей матери есть своя жизнь, не сводящаяся к тебе.

Понять важность этой функции проще всего через её противоположность. Представь ребёнка, для которого мать — весь мир, без третьего, без закона, без промежутка. Ему не к кому отнести своё желание, не перед кем освободиться, нет места, где он мог бы быть кем-то, кроме «того, что завершает мать». Такой ребёнок — не избалованный, а структурно незащитный: у него нет опоры вне непосредственного отношения, и любое охлаждение с той стороны переживается как катастрофа вселенского масштаба. Закон — «нельзя», «подожди», «мама занята» — это не жестокость, а спасение: он размыкает замкнутый круг, даёт воздух, даёт возможность быть отдельным.

Отсюда и то значение, которое мы будем придавать слову «отец» во всей книге: это не пол и не персона, а место в структуре — то самое место, где закон встаёт между субъектом и его прямым желанием. В следующей главе мы увидим, как это место по-разному обходят разные психические структуры; пока достаточно зафиксировать: вхождение в язык — это всегда и вхождение в закон, и без закона нехватка не получает той формы, вокруг которой могла бы строиться человеческая жизнь.

Объект-причина: то, что остаётся

Осталось назвать последнее и, может быть, самое загадочное понятие этой главы — то, которое будет сопровождать нас до конца книги.

Мы установили: язык отнял у человека часть его бытия; вхождение в закон отделило его от непосредственного единства с миром; в зазоре между нуждой и требованием родилось желание. Всё это — движения потери. Но потери не исчезают бесследно: они оставляют след. И лакановское имя этого следа — “объект-причина желания”, “*objet petit a*” — «маленький объект а».

Что это такое? Обратим внимание на простой факт нашей внутренней жизни: мы хотим не «вообще», а чего-то конкретного — и при этом то, чего мы хотим, часто невозможно описать, не похоже ни на что и прячется в мелочах. Один человек не может пройти мимо старых часов; другой ищет в каждом новом знакомстве голос покойной матери; третий не расстаётся с определённым запахом, четвертый всю жизнь влюбляется в людей с одинаковым жестом. Разумно спросить: почему именно это? Что особенного в этих часах, голосах, запахах?

Ответ Лакана: ничего особенного. Дело не в самих ве-

цах. Дело в том, что на их место встало то, что осталось от утраченного. Когда язык отнял у ребёнка непосредственное единство с миром, от этого единства остались осколки — фрагменты пережитого: какой-то звук, какое-то прикосновение, какой-то вид, запечатлённые до всякого слова. Эти осколки и становятся объектами-причинами: не тем, что мы хотим получить, а тем, “почему мы хотим вообще”. Часы сами по себе ничего не стоят — но они в точности совпадают с формой утраты, и потому subject не может пройти мимо: они ставятся в дыру, как пробка в бутылку, и желание, которое прежде кружило в пустоте, получает опору.

Отсюда два следствия, которые стоит вынести из этой главы, потому что на них будет держаться всё дальнейшее.

Первое: объект-причина принципиально не существует как вещь. Можно купить такие же часы, найти человека с таким же голосом — и обнаружить, что то, чего хотелось, не наступило. Ибо хотелось не часов и не голоса, а возвращения целостности, которое невозможно. Объект-причина — это не объект, а форма дыры, получившая случайное наполнение. Поэтому всякая добыча обманывает: она закрывает не ту дыру, потому что той дыры нельзя закрыть ничем — она проделана самой структурой языка.

Второе: желание не ошибается, оно верно. В чужой тяге

к странным мелочам не следует видеть каприз или глупость: за ней стоит память о том, что было отнято при вхождении в язык. Человек не может вспомнить свою изначальную утрату — она произошла до памяти и до слов, — но он может желать её вернуть, и вся жизнь его желаний, по Лакану, и есть это неутомимое, слепое, упорное возвращение к месту потери. Не случайно Лакан любил повторять, что бессознательное — это не склад скрытых желаний, а “эффект языка”: оно говорит в нас тем же языком, который нас и продырявил.

Мостики: куда ведёт эта глава

Теперь можно посмотреть на сделанное одним взглядом.

Мы проследили, как человек поднимается из тела в слово: нужда становится требованием, требование оставляет невозвратимый остаток — желание. Мы увидели, что язык не просто обслуживает человека, а перестраивает его: замещая вещи словами, он вводит в центр его жизни нехватку бытия, которую нельзя закрыть ничем. Мы разобрали, что закон — «Имя Отца» — не противник человека, а условие его отдельности и опоры. И мы назвали след, который вся эта работа оставляет: объект-причину желания — осколок утраченного, вокруг которого завязывается вся дальнейшая история человеческих влечений.

Перед читателем, возможно, встаёт вопрос, который несправедливо было бы обойти: если всё это так — если человек по устройству дыряв и неутолим, — то не является ли всё сказанное приговором? Не получается ли из лакановской картины мрачный вывод, что человек обречён вечно тянуться к тому, чего нет, и никогда не быть счастливым?

Этот вопрос — законный, и ответ на него будет дан постепенно, по ходу всей книги; но один его контур стоит обозначить уже здесь, в духе нашего двойного языка. В лакановской картине нехватка — не приговор, а условие: именно потому, что человек не полон, он открыт, он стремится, он живёт отношением, а не замкнутостью. Существо без дыры было бы существом без истории, без любви, без речи — законченным и потому мёртвым. Христианская традиция выражает ту же мысль в других словах: человек создан не самодостаточным, а открытым к Богу и к другому; его незаполненность — не изъян, а место встречи. Апостол пишет о сокровище в глиняных сосудах — то есть о том, что несовершенство вместилища не портит сокровище, а, напротив, даёт ему быть носимым и передаваемым.

Разница между этими двумя картинками — не в наличии дыры, а в том, что с ней делать дальше, — и этот вопрос будет нашим предметом в следующих главах. Пока же нужно сделать ещё один шаг по той же лестнице — шаг от струк-

туры к живым людям. Мы выяснили, как устройство человека создаёт нехватку; теперь посмотрим, как эта нехватка проявляется в самом главном человеческом деле — в любви между мужчиной и женщиной. Ибо именно там, как мы увидим в следующей главе, нехватка перестаёт быть теорией и становится лицом к лицу встречей двух дыр, каждая из которых ищет в другой своё отражение.

Глава 3. Мужское и женское: две логики желания

Слово, которое пугает

Прежде чем идти дальше, нужно договориться о словах — потому что именно в этой главе встреча с недоразумением наиболее вероятна. Говоря «мужское» и «женское», мы не будем говорить о биологических полах. И не будем говорить о характерах — о том, что «мужчины такие, а женщины другие». Лакан разрабатывал своё учение о полах совсем не для этого, и если свести его схему к психологии полов, она потеряет всё своё значение.

То, о чём пойдёт речь, — это две структурные позиции, две разные логики, по которым живое желание человека организуется в языке. Логика эта не привязана жёстко к телу: в каждом человеке, как мы увидим, обе структуры присутствуют и переплетаются. Но в самом языке — в том, как чело-

век строит слова, отношения, смысл — есть два несводимых режима, и Лакан назвал их, по традиции языка, мужским и женским. Почему по традиции языка — станет ясно из этой главы. Пока достаточно держать в уме главную мысль: мы описываем не то, какими бывают люди, а то, как в языке собирается желание, — а желание, как мы выяснили во второй главе, живёт вокруг нехватки. И вот здесь обнаруживается поразительная вещь: нехватка в языке оформляется двумя разными, несводимыми друг к другу способами.

Фаллическое означающее: знак, а не орган

Для того чтобы понять обе логики, нужно ввести одно понятие, без которого дальнейшее не сложится. Лакан называет его “фаллическим означающим” — и сам этот термин, пожалуй, чаще всех прочих вводит читателей в заблуждение, поэтому его стоит разобрать первым и без спешки.

Фаллос у Лакана — не анатомический объект. Это функция в языке. Если вспомнить логику второй главы: слово замещает вещь, и в этом замещении открывается дыра, — то теперь можно спросить: а есть ли в языке знак, который служил бы универсальной мерой всего замещающего? Есть ли знак, который обозначает не какую-то одну вещь, а само наличие и отсутствие, само «есть» и «нет»?

Такой знак есть, утверждает Лакан, — и фаллическое означающее играет именно эту роль. Оно в языке — как мера в мире измерений: знак того, чего хочется и чего не хватает, знак самого желания. Через него мы вообще понимаем, чего хотим: когда ребёнок хочет игрушку, он уже желает по мерке знака; когда взрослый говорит «мне нужно больше», «мне не хватает», он действует внутри этой мерки. Фаллическое означающее — это общий знаменатель всех желаний, валюта, в которой они исчисляются.

Отсюда — важное следствие, которое стоит запомнить на всю книгу: желать «по-человечески» — значит желать в терминах фаллической мерки. Мы не можем желать иначе: чтобы хотеть, нужно иметь язык, а язык всегда выдаёт хотение в виде знака — знака, который одновременно указывает и на наличие, и на нехватку. Вся человеческая культура — от экономических обменов до произведений искусства — работает внутри этой мерки. Она не природная, не вечная: она принадлежит порядку языка.

И теперь главный ход. Лакан утверждает, что даже в такой общей для всех мерке — даже в этой общей валюте желания — существуют две разные логики обращения с нехваткой. Одна логика верит мерке целиком: нехватка есть, и её можно исчислять, закрывать, восполнять. Другая логика мерке не верит: она подозревает, что исчисление не хватает до конца,

что какая-то часть остаётся всегда за кадром. Первую Лакан называет мужской, вторую — женской.

Мужская логика: мир как список

Начнём с той, которая кажется более простой, — с мужской структуры.

Суть её в одном свойстве: она работает по принципу универсального списка. Всё, что существует, можно записать в перечень; перечню можно приписать общее правило; правилу можно проверить соответствие. «Все люди смертны» — вот типичная фраза мужской логики: всё множество подчинено общему закону, и каждое отдельное лицо этому закону соответствует — по крайней мере, в принципе.

Практически это означает, что мужская логика живёт в мире, где нехватка исчислима. Есть норма — и есть отклонение. Есть правило — и есть случаи, которые ему соответствуют или не соответствуют. Есть мерка — и есть то, что в неё укладывается или выходит из неё. Мужская структура стремится закрыть нехватку с помощью перечня: вот всё, что нужно; вот всё, чего не хватает; вот план восполнения. Она доверяет знаку: если знак есть, значит, есть и то, что он обозначает.

У этого есть огромное достоинство: мужская логика — логика порядка, закона, обязательств. Она строит институты, расписания, клятвы, договоры. Она может сказать «да» и удерживать своё «да». Она может формулировать правило и ему следовать. Без неё не было бы ни культуры, ни права, ни технологии — ничего, что требует верности структуре.

Но у неё есть и тень. Если нехватка исчислима и есть список того, что нужно для её восполнения, то человек в этой логике живёт с ощущением: достаточно выполнить условия — и полнота наступит. Достаточно получить желаемое, достичь цели, соответствовать норме — и дыра закроется. И вот здесь мужская логика обречена на вечное разочарование, потому что — как мы выяснили во второй главе — дыра проделана самой структурой языка и не закрывается никаким списком достижений. Мужчина в мужской логике всю жизнь выполняет условия полноты — и полнота всякий раз отодвигается, как горизонт. Отсюда характерные для этой структуры фигуры: человек, который всё время «должен», который живёт нормой и мерой, который не может позволить себе не соответствовать. Его нехватка — это нехватка “в списке”: чего-то недостаёт, и недостающее можно назвать, и можно до-быть.

Есть и ещё одна особенность, и она важна для всей дальнейшей книги: мужская логика нуждается в исключении.

Чтобы перечень работал, нужно хоть одно правило, которое самим перечнем не измеряется. Каждое множество упирается в своего хранителя: закон действует на всех — кроме того, кто его держит; норма распространяется на всех — кроме той точки, где норма была установлена. В структуре языка это значит: мужское множество — это все, кто включён в закон, и его держит исключённая точка, оставшаяся за кадром. Лакан выражает это формулой: все — с оговоркой, что всё множество держится на одном исключении.

Женская логика: не-всё

Теперь вторая структура — и здесь придётся идти осторожнее, потому что её труднее схватить.

Если мужская логика живёт в мире универсальных списков, то женская логика строится иначе: она не верит, что весь мир можно внести в перечень. Лакан выражает это формулой, которая звучит странно, но она точна: женское — это «не-всё» (*pas-tout*). Не «не существует» — а «не исчерпывается списком».

Что это значит практически? Вернёмся к мерке. Мужская структура говорит: всё, что есть, подпадает под общее правило; нехватка — исчислима; полнота — достижима, если условия выполнены. Женская структура говорит иное: есть

часть, которая не подпадает под общее правило — и это не отклонение, не сбой, а её собственная природа. Всё множество нельзя охватить универсальным законом: всегда остаётся то, что не вписалось, и оно не является ошибкой списка — список просто не рассчитан на него.

Проще всего увидеть это на примере, и примеров вокруг нас достаточно. Человек влюблён — и как ни пытается он перечислить, за что именно он любит, список всегда неполон: не хватает чего-то, а нехватка самого перечня. Женщина в материнстве знает своего ребёнка так, как не знает никто другой, — но это знание не сводится к перечню черт и свойств; оно всегда чуть больше всего сказанного. Молитва, о которой мы будем говорить в седьмой главе, не сводится к содержанию произнесённых слов — в ней всегда есть остаток, который словами не покрывается. Вот это и есть логика не-всего: есть то, что не объёмлешь списком, и оно не ошибка — оно из другой логики.

Отсюда следствие, которое важно принять сразу, без смягчений: женскую позицию нельзя «понять» в терминах мужского списка — нельзя описать, каково быть «женщиной вообще», нельзя составить перечень её свойств и ожидать, что перечень закроет дело. Лакан выражает это в одной из самых известных и самых неверно понимаемых своих формул: «женщина не существует». Формула эта звучит оскорбитель-

но только при поверхностном чтении. На деле она означает точность: не существует женщины как универсальной сущности, охваченной общим списком. Существуют конкретные женщины — бесконечные, единичные, не сводимые друг к другу и к любой мерке; но универсального определения, общего знаменателя, охватывающего их всех, в порядке языка нет. Мужская структура может быть записана одной формулой и потому «существует» как тип; женская — не может, и потому «не существует» как тип. Это не про реальных женщин — это про структуру знака.

И отсюда же — особое достоинство и особая тень женской структуры. Достоинство: она не отдана иллюзии, что полноту можно составить из перечня. Она живёт рядом с нехваткой так, как она есть: не с закрывающимся дефицитом, а с открытой бесконечностью — и потому ближе к истине о структуре (об этом пойдёт речь в главах о любви и боли). Тень: она не имеет той опоры, которую даёт список. Правило, клятва, мера — всё это мужские формы, и женская логика не может на них окончательно опереться: она всегда чуть больше любой формы, чуть больше любого слова. Отсюда типичный опыт этой позиции: слово кажется всегда недостаточным; любая роль — слишком узкой; любое описание себя — не захватывает суть. Это не каприз и не трудность воспитания: это то, как устроен не-весь.

И то, что между ними: «сексуальных отношений не существует»

Теперь можно перейти к формуле, из-за которой Лакана чаще всего цитируют и чаще всего неправильно понимают. Поздний Лакан провозгласил: “сексуальных отношений не существует” (*il n'y a pas de rapport sexuel*).

Прочитанная наивно, формула кажется либо шокирующей, либо пустой. На деле она строго геометрическая — и мы уже располагаем всем, чтобы её понять.

Если мужская логика — это универсальный список, а женская — не-всё, то между ними нет общего знаменателя. Их нельзя наложить друг на друга, как два чертежа: одна построена на мере и исключении, другая — на не-мере и не-исключении. Это две разные геометрии нехватки, и они не рифмуются: между ними нет ни общего правила, ни итоговой формулы, ни исчерпывающего перевода с одного языка на другой. Вот это отсутствие общего знаменателя Лакан и называет отсутствием отношения. Сексуальных отношений не существует — значит: между мужской и женской логиками желания нет структуры, которая соединяла бы их в целое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.